

Жизнь — монетка

невыдуманные истории из жизни героического города

Из моего блокадного детства

Нам, кому сегодня за семьдесят, писать о жизни в блокаду совсем не легко. О ней написано много и многими, и затрудняешься отделить то, что прочитано, от лично пережитого. Еще труднее не впасть в раздражительную патетику. Зачем лукавить — в свои тогдашние 5-7 годы мы не умели оценить подвиг, который вершили взрослые рядом с нами. Попробую писать правду.

Горка

Ура! Нам стали строить зимнюю горку для санок! Она растет на углу, где непроезжий, очень узкий переулочек (теперь это улица Репина, на Васильевском) выходит в Средний проспект. Тут горку делают из каких-то тюков. Тюки всегда припорошены снегом. Скорей бы взрослые заровняли горку для нас! Но вот я вижу, как дворники, сметая с нее снег, сбрасывают горку, тюки бросают в какой-то кузов. Мама велит, чтобы мы с сестрой и братом ушли.

Я успеваю понять, что все тю-

ки — это люди, мертвые люди в обычных зимних пальто! Те, кого валит голод на ближних улицах. Трупы сперва стучат о дно кузова, а дальше падают тихо. Их увезут.

Мама нам объясняет, что у этих людей дома тоже все умерли, если не пришли их искать. Или же они ослабли, ноги распухли, не ходят.

Мама зачем-то плачет. Ей стало жалко трупов. Мне больше жалко мечту о зимней горке. Трупов мы видим много. А горки-то у нас нет...

Прыжок

Те дети были дома одни. А мама их ушла отovarивать карточки и в магазине ждала вместе с нами, когда раздастся отбой воздушной тревоги. С отбоем все побежали туда, где очень близко упали один и второй фугас.

Помню отвесную стену. Вся остальная часть дома рухнула, из-под обломков слышались стоны. Здесь до отбоя уже работало много людей. Но я смотрела на стену. На высоте четвертого этажа каким-то чудом уцелел на ней выступ пола. На нем стояла кровать, угрожая сорваться вниз. Мальчик в пижамке закутывал в одеяло сестренку.

— Прыгай по одному! Отпусти ее и сигай! — кричал наверх ему высокий старик, который здесь казался начальником. С десяток мужиков и сам он держали, растянув, какой-то брезент. Другие под брезент подпихнули что-то большое, мягкое. Мальчик оставил девочку и прыгнул вниз.

Летел он долго, мне показалось, что медленно.

— Вставай, пилот! — поднял его с брезента старик. Мальчик сломал лодыжку. Его отдали медикам.

— Живо! Пол кренит, кровать сползет! — кричал старик своей бригаде спасателей. — Прыгай, девочка! Как тебя, Света? Светочка? Прыгай к мамке, ко мне.

Девочка сбросила одеяло, впилась руками в кровать и ни шагу вперед.

— Мать! Мамка, слышишь? Мешаешь медикам, дура! Да ты оставь пацана, девчонку мани. Мани, зови ее! Ну же, дура ты! Женщина, сунув хлебный паек в карман, словно опомнилась:

– Светочка, мама тут!
– Дура! Давай хлеб сюда! – приказал старик. – Света, гляди. Прыгнешь – хлеба дадим. Света, хлеб!

Девочка подошла к краю пропасти, наклонилась, бросилась вниз. Она летела нелепо, вниз головой. Старик, сказав «надо с воздуха», вскочил на брезент, его подкинули, и через момент он уже кувыркался, прижав малышку к груди. Та подняла головенку:

– Дядя, где хлеб? – словно не понимала, что минуту назад ее жизнь висела на волоске.

А хлеб исчез. То ли был затоптан, пока ловили, то ли кто-то уж не сдержался в толпе. Впрочем, девочка была очень счастлива: ей дали пососать кусок дуранды.

Подарок

В мою жизнь вошла тетя Фи́ра. К нам ее привела управдом. Тетя Фи́ра не видела, как рухнул ее дом, как погиб ее сын – она была на работе. Тетя Фи́ра к нам в комнаты не пошла. Ей понравился тупик коридора, там ее кровать отделили шторой.

– Надо проверить, – всё ворчала няня, – вправду ли рухнул дом. Может, чужую площадь хочет занять. Они ведь хитрые, эти... Им верить нельзя.

Мама верила, не хотелось ей проверять:

– Не буду. Мои все живы пока, все трое. У ней один – и погиб. Не смогу...

Тетя Фи́ра была худая-худая. Огромный нос, огромные глаза. За штору к ней нас, детей, не пускали. Нас наказали, когда мы, шмыгнув за штору, трогали ее вещи и разбросали какие-то перышки, видимо, от жар-птицы, которые переливались у нас в руках.

Когда мы, отстояв в углах, вновь обрели свободу, тетя Фи́ра обняла меня и шепнула:

– Ты-то ходи ко мне. Приходи, зажигай коптилочку и играй. Нравятся перышки? Игорьку они тоже нравились. Ты ведь так похожа на Игорьку.

На мальчика? А, это потому, что нам с сестрой обрезали локоньки. Но... но на снимках Игорек черноглазый и с горбатым носом, как мать.

– Няня, мы не евреи?

– Тьфу, скаженная!

А я всё больше тянулась к тете Фире. Я ей играла бетховенского «Сурка» и спрашивала:

– А Бетховен фашист, раз немец?

Мы много с ней говорили про нации, про людей. С ней было интересно. Она художница, но

в блокаду пошла к станку, на завод. Голова у ней кружилась от голода, она привязывала себя к станку, чтобы не упасть.

– Завтра твой день рождения, – сказала она. – И я подарок тебе подарю.

Вечером мне сказали, что тетя Фи́ра меня зовет. Она лежала в кровати. Спросила:

– Тебе нужны мои перышки?

Нужны? А зачем? Мне давно рассказали, что тетя Фи́ра любит меня. Но я взяла их.

– И это тоже! – она дала небольшой пакет.

Подарок был настоящий! В очень красивой бисерной салфетке были завернуты хлебные корочки и сухарики. Так вот зачем она их сушила на печке-буржуйке – но почему подарок сейчас, а не завтра? Она меня обняла и сказала:

– Теперь беги. Тебе пора спать.

К утру она умерла. От голода. Тихо, как умирали часто и многие. Чудо-сухарики мы с сестренкой и братом долго сосали, еще лежа в постелях.

Бисерную салфетку лет через 20 кто-то украл у меня в гостинице. Перышки я храню до сих пор.

И.Иванова

Дети блокадного Ленинграда

Бомба

Была весна голодного 1942 года. Объявили очередную воздушную тревогу. К сигналам тревоги жильцы старинного семиэтажного дома уже настолько привыкли, что большинство на это никак не реагировало. Многие оставались там, где их заставала сирена. Некоторые неторопливо направлялись в бомбоубежище, которое было в подвале. Дети предпочитали нахо-

диться во дворе, однако держались поближе к подъезду. Закинув головы, они с любопытством осматривали небо. Каждый старался первым увидеть среди серебристых облаков самолеты, летящие бомбить город.

– Вон он! – первым закричал восьмилетний Толя, показывая пальцем в небо.

– Где, где? – нетерпеливо спрашивала его семилетняя сестра Нина, пытаясь в ярком

майском небе рассмотреть бомбардировщик.

Начали стрелять зенитки. Увидев наконец самолет, она закричала: «Бомба летит! Огромная! Прямо на наш дом!». Оба, крича: «Бомба, бомба!», побежали прочь от дома. Но любопытство быстро остановило их. Обернувшись, словно по команде, они увидели, как бомба с грохотом пронзила крышу и быстро исчезла внутри дома. Брат и сестра зажмурились, ожидая взрыва, но его не последовало. Толя с Ниной переглянулись и бросились бежать домой,

там оставалась бабушка. На лестнице, как густой снег, оседала белая пыль. Миновав дверь второго этажа, Нина первой вбежала в комнату и закричала: «Бабушка, в ваш дом попала бомба!»

– Я знаю, вон на потолке образовалась трещина, – сказала бабушка, продолжая вытирать пыль с тумбочки. Из трещины выпала пыль.

Дети, разочарованные тем, что бабушка ничуть не испугалась и даже не удивилась, решили подняться по лестнице и найти бомбу. Выше пятого этажа лестница была обрушена. На краю оборванной площадки стоял Витя, сосед седьмого этажа. Узнав от него, что наверху бомбы не видно, Толя с Ниной спустились во двор. Там жильцы дома возбужденно обсуждали бомбардировку. Через некоторое время с завода вернулась женщина, которая жила на третьем этаже, прямо над комнатой Толи и Нины. Вскоре она с криком выбежала на улицу: «Моя отца раздавила бомба!»

Со всех сторон слышались возгласы сочувствия. Ее отец от войны уже не ходил и лежал на диване. Огромная бомба, пробивая перекрытия верхних этажей, отскочила от вертикали и упала прямо на него, вдавив в диван.

На следующий день пришли милиционеры и военные. Всех спросили пойти в парк, который находился по другую сторону улицы. Стоял еще нетеплый майский вечер. Большинство жильцов дома расположились прямо на траве. Кое-где разожгли костры. Надежда Васильевна занялась приготовлением «гурцовки» в принесенной кастрюле. Это блокадное блюдо варили из подсоленной воды с картошкой, куда клали мелко раскрошенный хлеб и нарезанную зелень. Воду брали из реки Ждановки, которая была ближе, чем Нева.

Кое-как переночевали на земле. На другой день военные разряжали бомбу и вытаскивали ее во двор, подкладывая доски. Они сказали, что если бы бомба взорвалась, то от дома ничего не осталось бы.

Голова

Бомбу положили во дворе, а людям разрешили вернуться в дом. Она хотя и лежала на боку, но была такой большой, что даже мальчишки постарше с трудом забирались на нее. Нина не могла залезть, так как ее рост был примерно равен диаметру бомбы.

– Сережка тоже не смог бы забраться! – оправдывалась Нина, над которой подтрунивали ребята. Сережа – сосед из комнаты напротив. Она побежала его звать. Постучала в дверь, но та была заперта. Ребята вспомнили, что Сережу уже давно не видели во дворе. Это был светловолосый мальчик в коротких штанишках на таких тонких ножках, что его колени казались очень большими.

На другой день ребята собрались идти за травой и решили взять с собой Сережу. Но им опять никто не открыл. Прикладывая ухо к двери, Толя почувствовал носом запах паленого мяса. Поскольку в городе уже было известно много случаев людоедства, соседи многозначительно перешептывались об исчезновении Сережи. Некоторые обратили внимание на то, что и его мать давно не видели. Она теперь запиралась в своей комнате и выходила очень редко.

Через несколько дней кто-то заявил об этом в милицию. Мать Сережи долго не открывала милиционеру. Лишь когда собрались ломать дверь, она наконец открыла. В комнате сильно пахло паленым мясом. Во время обыска в шкафу была

найдена голова Сережи, завернутая в черную тряпку. В кастрюле на металлической печке, стоявшей посреди комнаты, обнаружили две сваренные ручки ребенка. В другой кастрюле под столом обнаружили засоленное кусками мясо. Всхлипывающую мать Сережи с низко опущенной седой головой увел милиционер. Больше ее в доме никто не видел.

Конфетка

Люди голодали. Съели уже всех кошек, собак, голубей и крыс. Работающие получали к концу 1941 года в сутки 250 граммов черного хлеба, испеченного с добавлением бумаги, а неработающие и дети – только по 125 граммов. После случая с Сережей ребята вспомнили, как в начале мая гулявшим во дворе Толе и Нине одна женщина предложила пойти с ней, обещав угостить конфетой. Нина обрадовалась и сразу согласилась, а Толя сказал, что они должны спросить разрешения у бабушки, и увел сестру домой. Бабушка похвалила Толю за бдительность и отругала Нину за излишнюю доверчивость, объяснив, что их могли убить и съесть. Нина плакала и уверяла, что «больше не будет». Бабушка строго-настрого запретила им уходить со двора без разрешения.

В.Борисов

Страшнее всего был голод

Вышка

Ее портрет висит в Музее блокады Ленинграда. 20-летняя девчонка Валя Петрова спасала город от фашистов так же, как и все жители города. Всю войну она провела на вышке, под проливным дождем немецких бомбардировок.

– Самое странное, что страшно в блокаду практически не было, по крайней мере, страх не запомнился, только все время хотелось есть, – начала свой рассказ Валентина Семеновна. – В начале войны, с сентября по декабрь, я ходила на оборонительные работы. Мы рыли окопы, в которых сами же и прятались во время бомбежек.

Тогда я работала в банке и получала 125 граммов хлеба в сутки. Больше есть было нечего. Уже к декабрю я стала настоящим дистрофиком, и, получив повестку в военкомат, буквально

на четвереньках приползла туда. Меня назначили в ПВО, где перевели на усиленное питание – три ложки каши в день. Там я поправилась, встала на ноги и начала работать. Моя задача заключалась в том, чтобы с вышки (на крыше кинотеатра «Аврора») наблюдать, куда попал снаряд, где пожар, и сообщать эту информацию командованию.

За хорошую работу меня перевели на городскую вышку (на крыше «Александринки»), где я и простояла до конца войны. Вот там один раз было очень страшно. Когда снаряд попал в здание Национальной библиотеки, нас horribly потрянуло. Думали – всё...

Диверсант

А однажды мне даже удалось задержать диверсанта, – говорит Валентина Семеновна. – Точнее, его задержали с моей помощью. Дело было так. Ночью, когда в

городе не горела ни одна лампочка, я вдруг увидела, что в одном из окон райвоенкомата то загорается, то гаснет огонек, позвонила в штаб, оттуда прибыли военные, которые и задержали настоящего шпиона.

Наш район (пересечение Невского и Садовой) был самым обстреливаемым и самым многолюдным. Голод гнал людей на улицу, где они и попадали под обстрел. Мы тоже сюда ходили. Напротив «Пассажа» была вырыта лунка, откуда мы брали воду. буквально лежа на животе, потом ее грели и ели. Может быть, молодая очень была, вот и не боялась, но вот голод запомнился на всю жизнь.

Зато как все радовались, когда узнали, что победа! Полуодетые выскакивали в Катын сады, обнимались, целовались, плакали. А вот когда сняли блокаду, сил радоваться не было, зато потом стало гораздо легче и спокойнее.

Е. Бойко

«Мама, зачем ты меня съела?»

Эту историю я услышал и записал (почти стенографировал) 28 января 1969 года. И не забывал о ней никогда! Такое забыть невозможно!

Урок истории в моем девятом классе совпал с городскими торжествами по случаю 25-летия снятия вражеской блокады. И мы упростили учительницу Антонину Васильевну Попову рассказать – прямо на уроке! – о пережитом ею в блокаду. В 1941 году Антонине Поповой исполнился 21 год, она только что закончила Педагогический институт. Жила вместе с отцом и матерью в доме № 51 по Кондратьевскому проспекту. В квартире напротив обитала тетя Даша с

пятью детьми, младшая дочь которой родилась в июне, незадолго до начала войны.

Позабывтый запах мяса

...Приходит соседка, тетя Даша, плачет. У нее умерла полугодовалая дочь. Просит маму: «Сил нет, помоги... разруби мне Олю...» Мама остолбенела! Потом, как могла, отговаривала. Вроде бы отговорила.

Но часа через три – опять стук в дверь – тетя Даша. Меня зовет: «Пойдем со мной, Тоня...».

Вхожу и сразу чувствую такой позабывтый запах вареного мяса! И я, может быть, попробовала бы человеческого мяса, если бы на глаза мне не попа-

лась сковорода, на которой в воде кипел надвое раскроенный мозг! Я потеряла сознание. Пришла в себя дома, на оттоманке...

Вскоре тете Даше, видимо, как многодетной матери, с остальными детьми удалось эвакуироваться... Но судьба ее все равно была печальна. В 1946-м тетя Даша вернулась из эвакуации в родной Питер. Она мне часто жаловалась, что ей чуть ли не каждую ночь снится дочь, которая спрашивает: «Мама, зачем ты меня съела?» Я, как могла, успокаивала. Муж тети Даши погиб, и она во второй раз вышла замуж. Но и это не спасло ее. Умерла она в психиатрической больнице. И повесила собой список жертв войны и блокады...

Исчезновение папы

...Он работал на заводе «Красный выбор-жец». Чтобы не тратить силы на дорогу, часто ночевал на заводе. А тут уж что-то очень долго – несколько дней – его не было... И я пошла на завод узнать, не случилось ли что. Вскоре мне сказали, что папа заболел и его отправили в больницу, а в какую – неизвестно. Пришлось искать по больницам. Оказалось, папа уже умер в больнице имени Карла Либкнехта. И похоронен на Пискаревском кладбище. В братской могиле.

«Сегодня буду умирать!»

Наступила весна. Все ходячие ленинградцы были мобилизованы на уборку города. На помойках мы находили остатки человеческого мяса, кости. Никакого

сомнения не было в том, что это – следы каннибализма.

...Мама заболела летом. У нее была цинга. Врач сказал: когда чернота на руках дойдет до локтей, мама умрет. И вот наступил этот страшный день. В конце июля, 29-го числа. Я собиралась утром на работу, а мама мне говорит:

– Иди, доченька, отпросись, сегодня умирать буду.

На заводе меня отругали за то, что вообще пришла. Разрешили не выходить на работу столько времени, сколько понадобится для похорон. Обещали дать машину.

Вернулась домой. Мама попросила остричь ей волосы. Остригла. Попросила помыть голову. Помыла. «А теперь слушай внимательно, что я тебе говорить буду. Умру, ты меня похорони, но

только не в братской могиле. Пускай без гроба, но – в отдельной могиле. А ты – живи!» Это были последние мамины слова.

Доброта дяди Миши

Обещанная заводом машина все не приходила. И 4 августа пришлось мне обратиться за помощью к дяде Мише, соседу по двору. Он всех хоронил... За хлеб.

Похоронили мы с ним маму на Богословском кладбище. Я отдала дяде Мише все хлебные карточки – на месяц. «А как жить без хлеба-то? Хоть и лето, одной травой же не прокормишься!» – думала я, сидя в опустевшей квартире. Кто-то постучал в дверь. Открыла – дядя Миша!

«На, помяни мать», – сказал он и подал двести граммов хлеба.

В.Желтов

«Крашу ресницы, губы. И буду жить!»

Евгений Линд – в нашем городе личность легендарная. Он создавал в школе № 235 необыкновенный музей «А музы не молчали!». Евгений Алексеевич расставлял несколько блокадных листов, за каждой из которых стоял экспонат школьного музея.

Монетка

Одна женщина, понимая, что своих сыновей ей не спасти, бросила монетку. И тому ребенку, которому «выпало жить», начала отдавать всю еду – и свою, и братьев. А когда наступил предел, вывесила на дверь бумажку: в квартире – живой ребенок! Легла у открытого окна в соседней комнате и замерзла... Мальчика спасли. При нем была «объяснительная»писка. И этот спасенный чело-

век впоследствии отдал ту монетку нашему музею.

Карточки

Сколько ленинградцев Белосусовых обязано своей жизнью Клавдии Григорьевне Безнасюк! Пошла женщина помолиться в Никольскую церковь и нашла утерянные продуктовые карточки – 8 штук! И отнесла по указанному адресу: Крюков канал, дом 23, квартира 17. А когда я предложил ей сфотографироваться для музея, она возмутилась: «Креста на вас нет! Может, вы мне еще орден дадите?!»

Театр

А скольким людям помог вернуться к жизни Театр музкомедии! Жена знаменитого впослед-

ствии художника Юрия Непринцева Мария Тихомирова, сохранявшая и охранявшая в Исаакиевском соборе ценности, вывезенные из Петродворца, умирала от голода. Прибыл нарочный от мужа с фронта, продукты кое-какие привез. Женщина говорит:

– Я уже не могу встать. А он в ответ:

– Ты сейчас не только встанешь, но и пойдешь в Театр музкомедии!

– Так шутить кощунственно...

Нарочный помог ей надеть валенки. Туфельки-«лодочки» взяли с собой. Подводит он ее к театру, а там – народу! Вошли: бархат, хрустальные люстры... Открылся занавес и – о чудо! – Легар!.. И Мария Тихомирова решила: «Всё! Крашу ресницы, губы и... буду жить!»

В.Желтов